

Перспективы гештальт-метода в социологии и социальной терапии

Гронская Ирина

Теория поля и, в целом, гештальт-методология получила наибольшее развитие в области психотерапии. Однако представляется, что гештальт-парадигма может быть эффективно использована и для анализа макросоциальных явлений. Гештальт-анализ социальных процессов представляет не только сугубо теоретический интерес, но может позволить эффективно планировать социальные программы. В частности, в настоящее время дискутируется вопрос о возможности и необходимости социально-терапевтических вмешательств в России (2). Не претендуя на исчерпывающую полноту, попробуем дать анализ русского национального характера (это актуально в связи с тем, что русский этнос составляет большую часть населения России), опираясь на основные концепции гештальт-подхода – теорию способов регулирования границы контакта и теорию функций сэлф, которые, как известно применимы к анализу не только индивидуальных организмов, но и групп, т.е. организмов, являющихся социальными системами (3, 4).

Понятие «характер» используют для указания на какие-либо устойчивые свойства человека или вещи. Когда говорят о характере нации, подразумевается, что значительная часть ее представителей обладает определенной констелляцией личностных черт, отличающих их от представителей других народов. В гештальт-терапии характер рассматривается как набор фиксированных гештальтов (форм), утративших свою контекстуальность. Характер проявляется определенными способами регулирования контактной границы с миром, которые проявляются независимо от контекста ситуации.

Для разработки конкретных социально-терапевтических программ направленных на изменение психологии этноса необходимо ответить на два вопроса: Каковы основные черты характера нации? Насколько данные черты подвержены изменению?

Можно предположить, что конфлюэнтный и интроективный типы регуляции контактной границы наиболее типичны для русского национального характера.

Так о конфлюэнтных особенностях свидетельствуют следующие черты, которые традиционно приписывают русскому народу: доброта и ее проявление к людям любого племени, душевная открытость, мягкость, почти слабость характера, жалостливость, отзывчивость к чужой беде, легковерие, обращение со временем так, как будто оно не имеет границ, потребность в принадлежности к большой группе (коммюнаторность по Н.Бердяеву). О конфлюэнтном механизме также свидетельствует традиционно приписываемая русским склонность к алкоголизации, к продолжительным

застольям, дающим ощущение растворения индивидуальной границы и единения с окружающими. Тенденция к слиянию с группой подтверждается и русскими пословицами: «С миру по нитке – голому рубаха», «Не имей сто рублей, а имей сто друзей» (7). Та легкость, с которой русский доверяет свое личное мало знакомому человеку, шокирующая иностранцев, также подтверждает стремление к слиянию с другим.

У русских людей очень силен интроективный механизм. Об этом свидетельствует свойственная русским людям тяга к внешнему руководству, вера в сильного лидера или «доброе дядю», который разрешит все их проблемы. Несамостоятельность, усвоенная из модели воспитания, которая сочетается с отказом от собственного самоопределения, также отмечена фольклором: «Живи тихо – не увидишь лиха». Причем роль внешнего агента, восполняющего дефицит собственной автономии, может выполнять как политический лидер с авторитарными наклонностями, так и интенсивно внедряемые идеологические либо культурные содержания (например, идеология религиозных сект или американская массовая культура). Русский философ И.Ильин так писал о национальной психологии: "Сам, не имея зрелого волевого характера, русский требует воли от своего правителя. Он предпочитает окрик, твердость – уговариванию, "дискуссиям", он предпочитает самоуправство волевому ничтожеству. Ему нужна императивная убедительность власти".

Интроективный тип характера русского человека проявляется и в характере его религиозности. Признанный знаток русской души, Н.Бердяев, характеризуя особенности религиозности русского человека, писал: «Психологически русская ортодоксальность и есть целостность, тоталитарность... В силу религиозно-догматического склада русские всегда ортодоксы или еретики, раскольники. Всегда главным остается исповедание какой-нибудь ортодоксальной веры, всегда этим определяется принадлежность к русскому народу... Типичный русский не может долго сомневаться, он склонен быстро образовывать себе догмат и целостно отдавать себя этому догмату», – а также, – «Религиозная формация русской души выработала устойчивые свойства – догматизм, аскетизм, способность нести страдания во имя своей веры, какой бы она ни была, устремление к трансцендентному (то к вечной жизни в ином мире, то к коммунизму – будущему этого мира)» (1).

Об интроективности российского населения, вере во внешнего спасителя свидетельствует расцвет целительства, а также методов лечения, которые являются «дикими» с точки зрения современной науки, и не имеющих распространения ни в одной другой стране – кодирования, массовых сеансов гипноза.

С точки зрения развития контактных функций организма русской нации, наиболее представленными оказываются функция Ид и функция Персона, но абсолютно не развитой остается функция Эго. В частности, о мощных проявлениях функции Ид свидетельствуют такие традиционно приписываемые русским черты, как отсутствие дисциплины и

самодисциплины, неустойчивость, непредсказуемость для других и самих себя, неспособность себя контролировать, отсутствие меры во всем, анархизм, беззаботность – надежда на пресловутое русское «авось», любовь к игрищам и гульбищам. Поэтому не случайно, что для Европы Россия остается за рамками понимания и вызывает опасения своей непредсказуемостью. Н.Бердяев писал в связи с этим обстоятельством: «Россия все еще остается совершенно трансцендентной, каким-то чудным Востоком, то притягивающим своей тайной, то отталкивающим своим варварством.»

О проявлении функции Персона свидетельствует охарактеризованный выше присущий русскому национальному характеру догматизм. Неспособность к целенаправленной деятельности, трудности в принятии самостоятельных решений и поиск внешнего руководства свидетельствует о том, что функция Эго у русского народа серьезно повреждена.

Не будем останавливаться на исторических причинах такого положения вещей – об этом написано достаточно. Большой интерес представляет возможность изменения этих психологических особенностей.

Представляется, что в плане социально-терапевтических воздействий на российское общество целесообразной является организация социально-педагогических программ, направленных на развитие личной ответственности их участников. Естественно, что это социальное воздействие будет иметь локальный характер, но изменение устойчивых психологических особенностей сразу в масштабах всего общества, тем более учитывая их исторически обусловленную стабильность, не представляется возможным. Как известно, в современной теории поля рассматривается концепция морфогенетических полей (6). Она предполагает, что невидимые поля образуются и являются матрицей всякой будущей формы, развития и образа действия. Они действуют во времени и пространстве. Морфогенезис начинается с уже организованной системы, которая является морфогенетическим зародышем. Изменения во всем поле происходят благодаря эффекту морфического резонанса. Примером морфического резонанса в мире физики является вибрация струн музыкального инструмента в ответ на специфическую звуковую волну. Задачей социально-терапевтических мероприятий как раз будет создание такой морфогенетической системы. Логично предположить, что наиболее перспективно направлять социо-терапевтические воздействия на молодую часть населения. Это связано с тем, что молодежь наиболее восприимчива к изменениям, более активна в социальных действиях и усвоенный ею опыт социальной терапии будет оказывать долговременное воздействие на социальную среду.

Стихийно социально-терапевтическую роль играют некоторые психологические тренинги, ориентированные на население, преимущественно гуманистического направления. Учитывая социокультурную ситуацию в современной России, представляется, что роль социальной терапии также выполняют системы психологического

образования. Не секрет, что лишь незначительная часть дипломированных психологов работают впоследствии по специальности. Также сохранен пока социальный стереотип недоверия к психологу и ассоциация его с психиатром: консультирование у которого равнозначно признанию себя психически больным. Это на наш взгляд сдерживает потребность населения в получении психологической помощи, удовлетворяя ее путем получения психологического образования, что не вызывает социального осуждения.

Надеемся, что в этой статье нам удалось продемонстрировать, что гештальт-методология, может быть успешно применена не только к анализу поведения индивидов и малых групп, но и к анализу макросоциальных процессов. Социально-терапевтические мероприятия мыслятся нами так же с использованием гештальт-подхода как наиболее эффективного метода развития личной ответственности.

Литература

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – С.9,18
2. Григорьев С.И. Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего. – Барнаул: изд-во АРНЦ СО РАО, 2001. – С.164
3. Левин К. Теория поля в социальных науках. – СПб.: «Сенсор», 2000. – 368 с.
4. Перлз Ф. Теория гештальт-терапии. – М.: Институт Общегуманитарных исследований, 2001. – 379 с.
5. Резник Р. Гештальттерапия: принципы, точки зрения и перспективы. // Гештальт 95. Сборник материалов Московского Гештальт Института за 1995 г. - Москва, 1996. – С. 6-12
6. Робин Ж.-М. Экологическая ниша. Очерк о теории поля в гештальт-терапии.// Гештальт 94.Сборник материалов Московского гештальт института за 1994г. - Минск: ИПП Министерства экономики,1995. – С. 15-29
7. Синкевич З.В. Социология и психология национальных отношений: Уч. Пособие. – СПб: Издательство Михайлова В.А., 1999. – С. 99-120

© Новосибирский Гештальт-Центр <http://gestaltnsk1.narod.ru/gestaltsoc.htm>